

тауарлар мен басқа құнды заттар және нәрселерді қарау бойынша тиісті ықпал жасайтын және шекарадан өтуге рұқсат беретін адамды айтады.

Өзінің қызмет бабын пайдаланып, мұндай лауазымды адамдармен жасалған контрабанда лауазымдық қылмыс туралы қылмыстық заң баптары бойынша қосымша саралауды талап етпейді. Өзінің қызмет бабын пайдаланып контрабанда жасаған басқа лауазымды адамдарға жалпы негізде, яғни лауазымды қылмыстар туралы қылмыстық заң нормаларын қолдану көзделген қылмыстардың жиынтығы бойынша және аталған саралау белгілеріне сілтемесіз Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің контрабанда туралы баптарының тиісті бөліктері бойынша жауапкершілік жүктеледі. Экономикалық қызмет саласындағы мемлекет мүдделерін қамтамасыз етуде кеден қызметі аса маңызды рольге ие, ол аталған саладағы негізгі құқық қорғаушы институттардың бірі болып табылады. Экономикалық қызмет саласындағы қылмыс субъектісі болып есі дұрыс, қылмыс жасау уақытында 16 жасқа толған тұлға табылуы мүмкін, заңның тікелей көрсетуін негізге ала отырып, экономикалық қызмет саласындағы кейбір қылмыстардың субъектісі болып тек лауазымды тұлға табылады.

Субъективтік жағынан экономикалық қызмет саласындағы барлық қылмыстар қасақана кінәмен сипатталады. Кейбір құрамдардың субъективтік жағының міндетті белгісі болып мақсат табылады. Мысалға: жерге қатысты заңсыз мәселелерді тіркеу лауазымды тұлға тарапынан пайда күнемдік немесе басқа да жеке мүдделікті көздейді. Жалған кәсіпкерлік құрамын, несие алу, салық төлеу деп босатылу, өзгеде мүліктік пайда алу немесе тиям салынған қызметті жасыру мақсаты бар әрекет құрайды.

Жерге қатысты заңсыз мәмілелерді тіркеу мен заңды кәсіпкерлік қызметке кедергі келтірудің құралы осындай. Жекелеген қылмыстардың субъектісі болып лауазымды және басқа да жеке тұлға болып табылады. (Мысалы тауарлық белгілі бір заңсыз қолдану, несиелік берешекті өтеуден әдейі жалтару).

Шаруашылық етуші субъектілердің экономикалық қызметті әртүрлі салада жүреді; кәсіпкерлік, ақша несие, қаржы, сауда, халыққа қызмет көрсету және т.б. Экономикалық қызметтің белгілі бір саласына қатысты қоғамдық қатынастардың қалыпты жұмыс істеуіне қол сұғатын, тауар мен қызметтерді өткізу, бөлу, айырбастау және тұтыну барысында туындайтын қылмыстар әдетте бірнеше топтарға жіктеледі. Экономикалық қызмет саласындағы қылмыстардың кодексте бекітілген жаңа жүйесіне қатысты әдебиетте қылмыстық әрекеттің келесідей топтарын бөліп көрсету ұсынылады: экономикалық қызметті жүзеге асыру тәртібін және белгіленген кепілдіктерді бұзатын лауазымды тұлғалардың қылмысы.

Кәсіпкерлік және басқа да экономикалық қызметті жүзеге асырудың бекітілген тәртібін бұзумен байланысты қылмыстар, монополизм мен жосықсыз бәсекенің көрініс табуымен байланысты қылмыстар, кеден қылмыстары, салық қылмыстары, тұтынушылар құқығын бұзулар байланысты қылмыстар. Аталған жіктеу екі субъектісі қатаң ғылыми көзқарасқа сәйкес аталған қылмыстар тікелей объектісін, яғни жасаланылатын экономикалық қызмет саласын ескере отырып жіктеу тиімдірек. Осыған сәйкес экономикалық қызмет саласындағы базалық қылмыстардыкелесідей түрлерге бөлуге болады. Кәсіпкерлік және басқа да экономикалық қызмет саласындағы қылмыстар, заңда кәсіпкерлік қызметке кедерге жасау жерге қатысты заңсыз мәмілелерді тіркеу, заңсыз кәсіпкерлік, заңсыз банктік қызмет, жалған кәсіпкерлік, заңсыз жолмен алынған ақша қаржатын немесе өзге мүлікті заңдастыру, қылмыстық жолмен алынған мүлікті алу немесе тарату. Монополиялық іс әрекеттер немесе бәсекені шектеу.

1. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты Пленумының 1999 жылғы 30 сәуірдегі №1 Қаулысы «Қылмыстық жаза тағайындаған кезде соттарлық заңдылықты сақтау туралы»

2. Байсаков К.Г. Контрабанда как угроза экономической безопасности страны. Научные труды Академии финансовой полиции. Выпуск 3. Колл. авторов. Алматы 2001. с.165-175.

3. «Қазақстан Республикасы азаматтарының ақшаны жария етуіне байланысты оларға рақымшылық жасау туралы» ҚР 2001ж 2 сәуірдегі заңы. Егемен қазақстан 4 сәуір 2001ж.

4. Қазақстан Республикасының Жоғарғы Соты Пленумының 1997ж 18 шілде «Контрабанда үшін қылмыстық жауапкершілік туралы заңдарды қолдану тәжірибесі туралы» қаулысы (Юридическая газета. 1997 ж 23 шілде)

5. Қазақстан Республикасының Қылмыстық құқық кодексі 2005ж.

6. Уголовное право Росси Кудрявцева В.Н, Наумова А.В.

***

From the subjective party all crimes in economic activities sphere are characterised by deliberate fault. An obligatory sign of subjective the parties of some structures are motive and the purpose.

***

Статья рассматривается с субъективной стороны все преступления в сфере экономической деятельности характеризуются умышленной виной. Обязательным признаком субъективной стороны некоторых составов являются мотив и цель.

Е.Н. Джалмагамбетов

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЖЕПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Лжепредпринимательство преступление, которое может совершаться лишь там, где разрешена предпринимательская деятельность. Развитие подобной деятельности в Республики Казахстан по сравнению со странами Западной Европы, как и развитие капитализма, который предполагает обязательное ее наличие, пришлось на более поздний период. Поэтому долгое время, с момента начала своего становления, казахстанское уголовное законодательство не знало не только норм о лжепредпринимательстве, но и норм о

преступлениях, похожих на те, которые принято называть сегодня преступлениями в сфере экономической деятельности.

После октябрьской революции (1917г.) происходит «отказ от методов «военного коммунизма», в экономической сфере воссоздавались многие структуры и механизмы дореволюционной экономики: рынок, частное предпринимательство, хозяйственные договоры, налоговая система, независимая кооперация и т.п.» [1]. Посредством НЭПа советская власть стремилась осуществить политику построения социализма в условиях многоукладной экономики, когда временно для обеспечения вывода экономики из глубочайшего кризиса, фактически из разлухи, допускались капиталистические элементы, при сокращении командных высот в экономике со стороны государства.

«Сущность НЭПа состояла в том, что это была особая политика пролетарского государства, цель которой была ликвидация капиталистических элементов и построения социализма, используя разные формы собственности, рынок и торговлю как основное звено» [2]. Естественно, такая политика предопределяла, разрешение ограниченной возможности предпринимательской деятельности в некоторых сферах экономики: торговле, сфере услуг, мелком производстве и т.д., по опять же под строгим контролем государства. Вновь открываются частные предприятия, организуются различные кооперативы сельскохозяйственные, промысловые, потребительские, кредитные, инвалидные и др.

Государство всячески начало поддерживать кооперативы, устанавливало им различные экономические льготы. В 1923г. 7 декабря был издан Закон о налоговых льготах кооперации. Основная доля налогов стала падать на частных предпринимателей или на «частников» как их в это время называли.

В конце 20-х г.г. руководимое Коммунистической партией государство берет курс на сворачивание НЭПа и на форсирование темпов индустриализации и коллективизации. Сталин объявил 1920г. годом великого перелома. Осуществляется это командно-административными методами, игнорируя экономические законы. Была проведена идеологическая работа в партийных структурах по обеспечению принятия «алана (ускоренная индустриализация и коллективизация), подготовленного ВСНХ и являвшегося более радикальным, чем план, подготовленный ими Госпланом (предусматривал сохранение частного сектора хозяйства, умеренные темпы кооперирования). Вариант Госплана подвергся корректировке в сторону интенсификации». [3]

Результатом проводимой коммунистами политики было наступление на НЭП и частый капитал. В уголовном законодательстве это отразилось в принятом 28 декабря 1928г. СНК СССР постановлении «О мерах борьбы с лжекооперативами». В нем указывалось, что «вытесняемые вследствие успехов государственной и кооперативной промышленности и торговли из важнейших отраслей народного хозяйства капиталистические (кулацкие) элементы в ряде случаев проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы, являющиеся орудием и прикрытием их эксплуататорской деятельности.» В связи с этим союзным республикам предлагалось принять меры по усилению уголовной ответственности организаторов и фактических руководителей лжекооперативов, а также должностных лиц, оказывающих содействие лжекооперативам. [3 С.2.]

Принимая меры по усилению уголовной ответственности лиц, обозначенных во всесоюзных нормативных актах. СНК РСФСР в постановлении от 27 марта 1929г., ВЦИК и СНК РСФСР в совместном постановлении от 9 сентября 1929г. определили отнести к числу лжекооперативов, кооперативы «а) если в числе их учредителей или членов выборных органов участвуют лица, которым это воспрещено законом, или б) если в них преобладающее влияние имеют капиталистические (кулацкие) элементы, использующие кооперативную форму в своих классовых целях, или в) если деятельность их уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства». [4] Смысл развернутой государством борьбы с лжекооперативами и был в том, чтобы утвердить «социалистические» формы хозяйствования, которым противоречили рыночные отношения, многоукладность экономики, свободная торговля и т.д. Подобным образом власть стремилась очистить экономику от частнопредпринимательской деятельности попытками ее сохранения с маскировкой под кооперативы, избавить граждан от ее «духа», так как почти за восемь лет НЭПа народ СССР увидел преимущества рыночных отношений для общества в целом, перед отношениями планового социалистического командно-административного метода хозяйствования.

Постановлением от 9 сентября 1929г. в УК РСФСР 1926г. была введена специальная статья (129-а)» предусматривавшая учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов. Одновременно такой предусматривал и ответственность должностных лиц за содействие лжекооперативам (ст. 111-а). Согласно этого постановления кооператив квалифицировался как «лжекооператив» при наличии любого из трех названных условий. Имеете с тем если суд в обстоятельствах конкретного дела усмотрит основания для признания организации лжекооперативной на основании иных признаков, он был вправе вынести соответствующий приговор. Это непосредственно вытекает из содержания статьи 129-а, дающей такое определение лжекооператива: лжекооперативами признаются организации, «которые прикрываются кооперативными формами в целях использования льгот и преимуществ, представленных кооперации, в действительности же являются предприятиями частнопредпринимательскими и преследуют интересы капиталистических элементов, имеющие преобладающее влияние в их составе». Объектом посягательства преступления, предусмотренного ст. 129-а, признавалось правильное функционирование кооперативной системы социалистического хозяйства. С объективной стороны состав ст. 129-а предполагал учреждения, руководство или участие в лжекооперативе.

С субъективной стороны ст. 129-а предполагала наличие умысла. Действительно, ч. 1 ст. 129-а говорила о лицах, прикрывающихся кооперативной формой в целях использования преимуществ этой формы. Следовательно, виновный должен был определенно знать, что участвует в организации или «деятельности» лжекооператива. В ч. 2 ст. 129-а говорится о лицах «заведомо знающих», что данная организация является лжекооперативной. Отсюда умысел выступал в качестве необходимого элемента состава ст. 129-а.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 129-а, могли быть две группы лиц; с одной стороны - учредители и руководители, с другой - прочие участники лжекооператива. К учредителям относили лиц, организовавших лжекооперативную организацию, если даже они впоследствии в ее деятельности участия не принимали. К руководителям, напротив, лица, непосредственно возглавлявшие «деятельность» кооператива.

Вторая группа - «прочие участники» - отнюдь не охватывала всех без исключения лиц, принимающих участие в работе лжекооператива. Статья 129-а указывала лишь на лиц а) «извлекавших из этого участия предпринимательскую прибыль» или б) «заведомо содействовавших сокрытию действительного характера организации». Отсюда напрашивается вывод, что лица, формально записанные в члены кооператива, но фактически получающие зарплату и не принимавшие активного участия во всей ее деятельности, ответственность по ст. 129-а не несли.

В ст. 129-а устанавливалось для учредителей и руководителей наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества, для прочих участников - лишение свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года.

Статья 111-а предусматривала уголовную ответственность за «содействие должностными лицами государственных органов или кооперации, на обязанности которых лежит регистрация и последующий контроль за деятельностью кооперативов, организации лжекооперативов и попустительство их дальнейшей деятельности, а равно оказание таким лжекооперативам содействия иным должностными лицами в той или иной форме (льготный отпуск материалов и товаров, предоставление льгот по арендной плате и т.д.) в тех случаях, когда это имело место в силу злоупотребления властью, бездействия власти или халатно отношения к своим обязанностям».

Из приведенного текста видно, что советский законодатель рассматривал содействие лжекооперации как специальный вид должностного преступления, ибо и «содействие» и «попустительство», и «оказание содействия» по ст. 111-а карается в тех случаях, когда это имело место в силу злоупотребления властью, бездействия власти или халатного отношения к своим обязанностям.

С объективной стороны рассматриваемое преступление выражалось в содействии организации или попустительстве дальнейшей деятельности лжекооперативов и оказания содействия лжекооперативам. В первых двух случаях закон имел в виду разного рода организационного характера услуги неправильная регистрация устава, непринятие мер к устранению нарушений устава или ликвидации лжекооператива и т.п. Оказание содействия, выражалось в помощи лжекооперативу в его не организационной, а повседневной деятельности (в работе). Об этом частично свидетельствует и положение нормы, - «льготный отпуск материалов и товаров». Под «льготными имелось в виду отпуск товаров на условиях, установленных для подлинной кооперативной сети.

С субъективной стороны содействие лжекооперации могло быть совершено умышленно или по неосторожности, так как по прямому указанию закона оно может иметь место в силу злоупотребления властью, бездействия власти или халатного отношения к своим обязанностям. Субъектом преступления могло быть любое должностное лицо. В ч. 1 ст. 111-а закон говорит о должностных лицах, «на обязанности которых лежит регистрация и последующий контроль за деятельностью кооперативов». Здесь же далее упоминается об «иных должностных лиц», оказавших в той или иной форме содействие лжекооперативу. Наказание по ч.1 ст. - лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Квалифицированное содействие лжекооперации согласно ч.2 ст.111-а признавалось «при наличии корыстной или иной личной заинтересованности». Оно каралось лишением свободы на срок не ниже двух лет.

Примечательный для рассматриваемого периода истории факт, еще до принятия на высшем государственном уровне соответствующих нормативно-правовых актов, реакция на изменившуюся экономическую политику коммунистической партии была мгновенной. Так в Циркуляре ИКЮ № 77- 1928г. «О мерах борьбы с лжекооперативами» [5], отмечалась важность быстрой и решительной борьбы с лжекооперативами и лжетовариществами, «обычно служащими прикрытием для кулацких и частнопредпринимательских элементов в деле получения незаконным путем всякого рода льгот». В этих целях предлагалось «принять меры к скорейшему обследованию соответствующими органами всех тех низовых кооперативных организаций, работа которых по тем или иным данным имеет нездоровые уклоны в сторону связи с кулацкими и частнопредпринимательскими элементами». Действия руководителей предписывалось квалифицировать по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР (мошенничество, совершенное при отягчающих обстоятельствах), так как «самый факт образования лжекооператива должен рассматриваться как покушение на использование, путем обмана, льгот, предоставляемых кооперативным организациям».

В УК РСФСР 1926г. помимо проанализированных нами его дополнений 1929г., в конце 20-х гг., в 30-е г.г. и последующие годы вносились и другие изменения и дополнения[6] которые свидетельствуют о том, что отказавшись от НЭПа: «Государство все» большей степени пытается контролировать экономическую деятельность с использованием репрессивных методов. Устанавливается ответственность за перерасход фондов

заработной платы, хищнический убой скота, невыполнение контракционного договора колхозом, использование зерновых семян с семенных участков на какие бы то ни было нужды, кроме посевных, и за смешение сортового зерна с несортовым и тд. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г. продажа, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов, оказавшимися излишними и неиспользованными на предприятиях промышленности и транспорта, объявлялись преступлением, равносильным расхищению социалистической собственности, и наказывалось тюремным заключением сроком от 2 до 5 лет» [6, С.22].

1.Исаев И. А. История государства и права России. Учебник – М. Юрист, 1999, С454.

2.История государства и права России. Учебник / Под ред. Ю.П Титова. М: «Былина», 1996. С.356,

3.Кондрушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918-1926.г. С предис. Д.И. Курского -М-Л. Госиздат, 1927 С.5;

4.Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952г.г.) / Под ред. И.Л. Гитова. - М.. 1953. С 241

5.Еженедельник Советской юстиции - 1928 - № 16

Э.Е. Ишенов

К ВОПРОСУ О НЕДОПУСТИМОСТИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ В ХОДЕ ДОКАЗЫВАНИЯ МЕТОДОВ, ПРОТИВОРЕЧАЩИХ СОВРЕМЕННЫМ НАУЧНЫМ ЗНАНИЯМ

Пункт 7 части статьи 116 УПК называет в качестве основания не признания фактических данных доказательствами получение их с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям. Когамов М.Ч. ограничивает рассмотрение этого вопроса разрешением нашего УПК использовать в процессе научно-технические средства и признание их допустимыми, если они прямо предусмотрены законом и не противоречат его нормам и принципам; научно состоятельны; обеспечивают эффективность производства по делу; безопасны (ст. 129УПК). Из этого следует, что если приемы и методы противоречат современным достижениям науки, то их допускать в качестве доказательств нельзя. В качестве примеров им приводятся следующие: физиогномия – учение о выражении человека в чертах лица и формах тела; френология – учение о связи между формой черепа и психическими особенностями человека, его темпераментом, психотипом; хиромантия – гадание по линиям и бугоркам на ладонях рук; оптография – учение о возможности возникновения отпечатка внешности убийцы в глазу убитого и т.п. Поскольку использование специальных и научных знаний в уголовном процессе возможно только при участии в производстве по уголовному делу специалиста или эксперта, остановимся более подробно на раскрытии этих вопросов.

По мнению К.Н. Шакирова в правоприменительной практике и науке нет четкой дифференциация специальных знаний, применяемых в судопроизводстве специалистами и экспертами. Ее он предлагает провести на формально правовом и содержательном уровнях. Под формальным уровнем им понимается различная правовая регламентация статуса специалиста и эксперта.[1]. В качестве специалиста может быть привлечено любое не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными знаниями. Для эксперта же требуется не только отсутствие заинтересованности в деле и наличии у него специальных знаний, но как необходимое условие официальное государственное подтверждение его полномочий, вынесенное аттестационной комиссией министерства юстиции РК, получение квалификационного свидетельства на право производства судебной экспертизы – для сотрудников органов судебной экспертизы или лицензии – для частных лиц, а также включение их в Государственный реестр судебных экспертов РК. Результаты деятельности судебного эксперта отражаются в процессуальном документе – заключении эксперта, прямо определенном в законе в качестве источника доказательства, деятельность же специалиста либо фиксируется в протоколе следственного (судебного) действия, либо письменным документом, прилагаемым к протоколу, принадлежность которого к источнику доказательств определяется чаще всего субъективным решением следователя (суда). В законе дается ссылка на то, что в качестве специалиста и эксперта могут привлекаться лица, обладающие: в первом случае специальными знаниями, а во втором – специальными научными знаниями.

Как подчеркивал А.А. Исаев «Редакция уголовно-процессуального закона под специальными знаниями понимает не общеизвестные, в частности в уголовном процессе знания, приобретенные в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства. В их число можно в общем смысле включать и правовые знания, соответственно которым имеется специализация по профессии». [2].

Проблемность определения недопустимости доказательств состоит в установлении научности методов проведения экспертного исследования. Понятно по форме определение, включенное в п. 7 части 1 статьи 116 УПК по своему содержанию не дает ответов на вопросы, что подразумевается под непротиворечивостью современным научным знаниям. Чтобы избежать не нужных неточностей министерство юстиции утверждает перечень видов экспертиз, проводимых в центре судебной экспертизы МЮ РК, и экспертных специальностей, квалификация по которой присваивается МЮ РК. Однако в перечень видов экспертиз включены такие разновидности как «судебно-экспертное экономико-правовое исследование», которое зачастую сводится только